

УДК 159.9**Психологическое поведение детей в условиях изменения общества****Храмешин Сергей Николаевич**

Ректор,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
109052, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 20;
e-mail: rector@sgla.ru

Никитенко Анастасия Владимировна

Проректор по учебной деятельности,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 20;
e-mail: nika@sgla.ru

Аннотация

Нормальное психоэмоциональное состояние детей является залогом стабильного развития любого общества. Цель статьи – оценить динамику показателей эмоционального и психологического поведения детей 7-8 лет в условиях современного общества. Исследование проведено в 2019 – 2020 гг. на территории г. Москвы на базе трех среднеобразовательных школ среди 600 учащихся вторых – третьих классов (средний возраст – 7.3 ± 0.5 лет, три группы по 200 человек). Первую группу составили дети из семей с высоким социальным статусом и высшим образованием у обоих родителей, вторую – дети из семей среднего класса со средним специальным образованием у родителей, в третью вошли дети из малообеспеченных семей с неполным средним образованием у родителей. Дети тестировались на предмет агрессивности, а также отношения к членам семьи. Параллельно проводили тестирование среди родителей детей с целью выявить особенности воспитания и взаимоотношений внутри семей. Установлено, что в модели воспитания в первой группе доминировала гиперсоциализация авторитарного типа. Другие два параметра имели в 0.5 раза (принятие – отвержение и симбиоз) – 2.0 раза меньшие показатели (синдром неудачника и сотрудничество) ($p \leq 0.05$). Во второй группе модель воспитания более сбалансирована, здесь доминирует симбиоз и сотрудничество, превышающие остальные параметры в 1.3 – 1.9 раз ($p \leq 0.05$). В этой же группе на мальчиков осуществляется в 1.5 раза более частое негативное воздействие со стороны родителей по сравнению с девочками (синдром неудачника, $p \leq 0.05$). Среди детей из первой и второй групп преобладает импульсивная форма агрессии, которая превышает остальные две в 2 – 2.2 раза ($p \leq 0.05$). В третьей группе средний и высокий уровни агрессии значимо выше – в 1.6 – 2.2 раза ($p \leq 0.05$). Негативная самооценка может быть связана с угнетающим детскую психику воздействием со стороны родителей. В третьей и первой группах отмечена прямая связь между частотой встречаемости инструментальной агрессии и отрицательным отношением к братьям и сестрам (0.65 и 0.84 соответственно). Существует прямая связь с частотой встречаемости синдрома неудачника и принадлежности к третьей группе (0.92).

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н., Никитенко А.В. Психологическое поведение детей в условиях изменения общества // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 223-238.

Ключевые слова

Модель воспитания, дети младшего школьного возраста, гиперсоциализация авторитарного типа, синдром неудачника, агрессивность, социальный статус.

Введение

Как известно, население является полиморфным и сложным объектом для социологических и психологических исследований [Sheidow, Henry, Tolan, Strachan, 2014]. В качестве одного из ведущих факторов выступает возрастной состав населения, поскольку его исследование может указать на то, какую роль или функции играет каждая из возрастных групп [Shelleby et al., 2014]. В то же время одной из важнейших групп населения, от которой во многом зависит будущее любой страны, являются дети [Kia-Keating et al., 2018]. В ряде стран детское население составляет довольно значительную часть населения, например, по данным Федеральной службы государственной статистики, в России это четверть населения страны. Важность детей как группы населения проявляется не в их числе по отношению к другим группам населения, а в том, что адекватное воспитание и достойный уровень социального положения детей будут определять будущие социальные и психологические характеристики населения [Choi, Palmer, Pyun, 2014a]. Необходимость исследований психологической и эмоциональной составляющей в развитии ребенка обусловлена тем, что детский возраст является критическим для полноценного развития личности [Spengler et al., 2015]. В частности, это касается таких характеристик личности, как показатели психического и физического здоровья, а также нормальное развитие таких потенциальных качеств личности, как интеллект, культурное образование, формирование моральных устоев [Kaminski et al., 2013]. Изначальные психические, эмоциональные характеристики, свойственные ребенку с самого раннего возраста, определяют основы его личности, изменить которые в более взрослом возрасте крайне трудно [Kim, Um, 2018]. С одной стороны, в случае успешного прогресса ребенка в качестве личности более легко осуществляется его органическое вхождение в состав социума. С другой стороны, в случае успешного воспитания дети в будущем будут определять прогрессивные или регрессивные характеристики общества в целом [Choi, Pyun, 2014b].

Некоторые специалисты указывают на то, что дети должны быть более успешными по сравнению со своими родителями. Это касается не только положения в обществе, но и устойчивости психических и эмоциональных процессов [Alwaely, Babiker, Mikhaylov, 2020]. В случае, если целое поколение не получает возможности должного развития, получается эффект «социальной воронки», когда это поколение не отвечает все возрастающим требованиям современного общества. В конечном итоге все это приводит к увеличению преступности, психических заболеваний, самоубийств. Поэтому психическому и эмоциональному здоровью детей нужно уделять внимание с самого раннего возраста [Hardaway, Cornelius, 2014]. Помимо этого, большое значение имеет и фактор физического здоровья, в частности, известно, что в развивающихся странах все большую частоту встречаемости имеют врожденные патологии,

инвалидность детей. Это связано с тем, что с каждым последующим поколением происходит ухудшение здоровья родителей [Hempel, Wuermli, Lundberg, 2012]. В корне этого лежат проблемы социального характера: снижение благосостояния, ухудшение рациона, рост показателей алкоголизма и наркомании, а также курения. В качестве отдельного фактора следует упомянуть снижение качества здравоохранения. Все эти факторы в конечном итоге закономерно приводят к снижению качества целых поколений [White, Liu, Nair, Tein, 2015]. Негативное влияние на показатели нормы, будь то психическое, физическое, эмоциональное или интеллектуальное развитие ребенка, определяют общую структуру его личности в будущем.

Помимо вредных привычек родителей и врожденных заболеваний у детей, значительное влияние на здоровье (психическое, физическое, эмоциональное) детей влияет их окружение, в частности, социум. В первую очередь сюда относится школа. По некоторым сообщениям, школа оказывает скорее негативное влияние на здоровье школьников, чем позитивное [McConnell et al., 2010]. Приведем в качестве примера статистику по России (данные Федеральной службы государственной статистики за 2019 г.). У школьников младших и старших классов (1-8) зафиксировано, что патологии органов слуха и зрения встречаются в 8-12 раз чаще по сравнению с показателями нормы, на порядок чаще (в 10 раз) встречаются нарушения в строении и функционировании опорно-двигательной системы (дисплазия и т.д.). Наиболее часто встречаются нарушения, связанные с дисфункцией нервной системы – в 15 раз чаще. Такие патологии, существующие на уровне органов и их систем, предопределяют психическую и эмоциональную нестабильность еще с младших классов. Следствием указанных выше нарушений на уровне организма является 90-процентная частота встречаемости эмоциональных и психических отклонений.

Существует также группа болезней, вызываемых образом жизни учеников в школе. К ним относятся проблемы с пищеварением, встречающиеся в 2 раза чаще за последние 10 лет среди учеников 1-8 классов по сравнению с предыдущим десятилетием; заболевания или ослабление зрения (в 3 раза чаще); нарушения осанки (в 2.6 раза чаще). Немаловажную роль в ухудшении здоровья школьников, отмечаемую многими авторами, имеет и доступность Интернета, и увлеченность компьютерными видеоиграми – частота встречаемости расстройств психики выросла в 1.5 раза [Baker et al., 2018; Huang et al., 2016]. Эти расстройства, как правило, вызваны стрессовой ситуацией и так называемыми информационными расстройствами. В связи с поражением центральной нервной системы меняется и статистика по уровню интеллекта. Так, согласно данным исследований, посвященных изучению умственных способностей школьников, число школьников с высоким уровнем интеллекта уменьшилось в 2 раза в школах в сельской местности и в 1.5 раза – в городских школах России. Каждый второй школьник испытывал чувство сильного страха перед возможными неудачами в учебе, порядка двух третей – чувство дискомфорта перед школьными условиями. Одной из основных причин этого являлась нерегулярность успехов в школе и, как следствие, минимальное признание со стороны сверстников, учителей и родителей. Таким образом, эмоциональная и психическая составляющие могут быть причиной формирования серьезных заболеваний еще в младшем школьном возрасте. Более того, выяснено, что сам процесс обучения приводит к ухудшению состояния здоровья школьников: если в возрасте младших классов хронические заболевания имеет половина учеников, то в старших классах – уже порядка 80% [Rapp et al., 2014]. Анализ данных за последние два десятилетия показал, что только каждый десятый школьник отвечает стандартам физического, психического и эмоционального здоровья. Следует упомянуть, что эти данные применимы не только к России, но и к другим постсоветским странам, а также к

большинству развивающихся стран в целом [Reising et al., 2013; Jackson et al., 2017].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что младший школьный возраст является критическим для формирования личности, ее психического и эмоционального потенциала. Несоответствие требований социума и реального положения дел со здоровьем возможностям школьников очевидно. В связи с этим необходимо проводить мониторинг эмоционального и психологического поведения детей младшего школьного возраста. Работы на эту тематику достаточно многочисленны, но в основном посвящены изучению психологического и эмоционального аспектов по отдельности [Kainz et al., 2012; Baker et al., 2018; White, Liu, Nair, Tein, 2015]. Часть работ посвящена влиянию внешних факторов – положения дел в семье, уровня образования, уровня дохода или взаимодействие со сверстниками (буллинг и т.д.), либо же воздействию Интернета и видеоигр на состояние психоэмоционального здоровья школьников [Alwaely, Babiker, Mikhaylov, 2020; Kim, Um, 2018]. В данной статье предпринята попытка объединить эти направления, комплексно подойти к оценке параметров эмоционального и психологического поведения детей.

Цель статьи – изучить показатели эмоционального и психологического поведения детей 7–8 лет в условиях современного общества. В задачи исследования входит: а) изучение этих параметров в привязке к гендерной принадлежности учеников; б) аналогично, в привязке к социальному статусу родителей; в) аналогично, но с учетом уровня образования родителей; г) с учетом состава семьи. Авторы предполагают, что среди внешних факторов, формирующих внутренний мир ребенка, вышеперечисленные будут играть определяющую роль.

Методы исследования

Исследования проводились в 2019 – 2020 гг. на базе трех среднеобразовательных школ г. Москвы во время учебного года. В исследовании приняли участие 600 учащихся вторых и третьих классов. Средний возраст составил 7.3 ± 0.5 лет. Учащиеся младших классов (первый и второй классы) были разделены на три группы по 200 человек в каждой. Первую группу составили ученики из семей родителей с высшим образованием и доходом выше среднего (в условиях России – более 1000 долларов США на двоих родителей). Вторую группу составили ученики из семей с уровнем дохода от 500 до 1000 долларов США на двоих родителей (также 200 человек). Родители из этих семей имели среднее специальное образование. Наконец, в третью группу вошли 200 учеников из малообеспеченных семей с совокупным уровнем дохода до 500 долларов США на двоих родителей. Родители детей из третьей группы не имели высшего и среднего специального образования. В каждой из трех групп было равное число детей из полных и неполных семей – по сто человек. Гендерное распределение учеников каждой из групп представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Гендерное распределение учеников из трех групп

Номер группы	Число мальчиков	Число девочек
1	97	103
2	99	101
3	102	98

Как видно из данных таблицы 1, статистически значимых различий между числом мальчиков и девочек в группах нет. Это обеспечило возможность адекватного сравнения групп между собой.

Помимо работы с учениками, проводили опрос родителей детей всех трех групп. В общей сложности изучены ответы 637 родителей, из них 207 родителей – из первой группы, 230 родителей – из второй и 200 родителей – из третьей.

Исследование подразумевает комплексную работу как с детьми, так и с их родителями. С каждым из родителей детей проводили беседу, направленную на информирование о целях и задачах исследования. Исследование призвано помочь понять причины неудач в формировании эмоционального и психологического поведения детей, приемлемого в рамках социума. После проведения исследования и обработки результатов с каждым из родителей проводили консультацию с указанием конкретных данных именно по его ребенку и предлагали возможные пути коррекции эмоциональной и психологической сфер личности, а также возможные пути изменения подхода к воспитанию детей со стороны родителей. Исследование проводилось только с письменного согласия родителей. Родителей информировали об анонимности исследования, а также о соблюдении этических и моральных норм международного права. Родители, не подписавшие договор, в исследование не включались. Аналогично, дети этих родителей также не вошли в исследуемую выборку. Все ученики обучались в одинаковых условиях, что обеспечило возможность адекватного сравнения детей из разных по социальному статусу групп. Нами выбран в качестве критерия разделения на группы уровень социального статуса (принадлежность к среднему классу в экономических условиях России), а также уровень образования, поскольку они взаимосвязаны. Как правило, высокооплачиваемые должности связаны с наличием хотя бы одного высшего образования, тогда как низкооплачиваемые должности такого не требуют.

При взаимодействии детей между собой одной из ярко проявляющихся черт негативного эмоционального поведения является агрессия. В связи с этим мы использовали метод наблюдения за учащимися младших классов во время уроков и перемен. При наблюдении учитывали такие параметры, как внешние признаки агрессивного поведения, вегетативные характеристики агрессии, отношение ребенка к помощи со стороны взрослых, собственное отношение к своей же агрессии, наличие или отсутствие сострадания к сверстникам, случаи агрессивного поведения по отношению к сверстникам и к взрослым. Среди комплекса агрессивных реакций выделяли агрессию вербального типа, агрессию физическую. Для определения основных особенностей отношений ребенка и его окружения использовали цветовой тест отношений, разработанный А.М. Эткингом. Данная методика используется для определения особенностей отношений ребенка и значимых для него людей из окружения, например родителей. Также нами использовалась методика Р. Жилия, которая исследует межличностные отношения ребенка. Для оценки уровня тревожности использовали методику выбора нужных лиц Тэммела. Уровни эмоционального интеллекта исследовали, применяя опросник для детей авторства Д.И. Люсина. Кроме того, для этой задачи использовали тесты, построенные на ассоциации и на отображении внутренних переживаний через рисунки.

Анализ данных от родителей детей проводили с использованием опросника Эйдмиллера, а также Варга и Столина (тест «Родительские отношения»). Эти методики проясняют, какой тип воспитания доминирует в данной семье. Кроме того, становится возможным выяснить, каково истинное отношение родителей к ребенку.

Статистическую обработку данных проводили при помощи программы Statistica v. 7.0 (StatSoft Inc., USA). В связи с распределением признаков, не соответствующим нормальному, нами использовались непараметрические методы статистического анализа. Между признаками (социальный статус, гендерная принадлежность, уровень образования родителей, состав семьи)

рассчитывали корреляции Спирмена, различия между признаками проверяли, используя тест Манна-Уитни. Различия между признаками принимались за достоверные, начиная от $p \leq 0.05$.

Результаты исследования

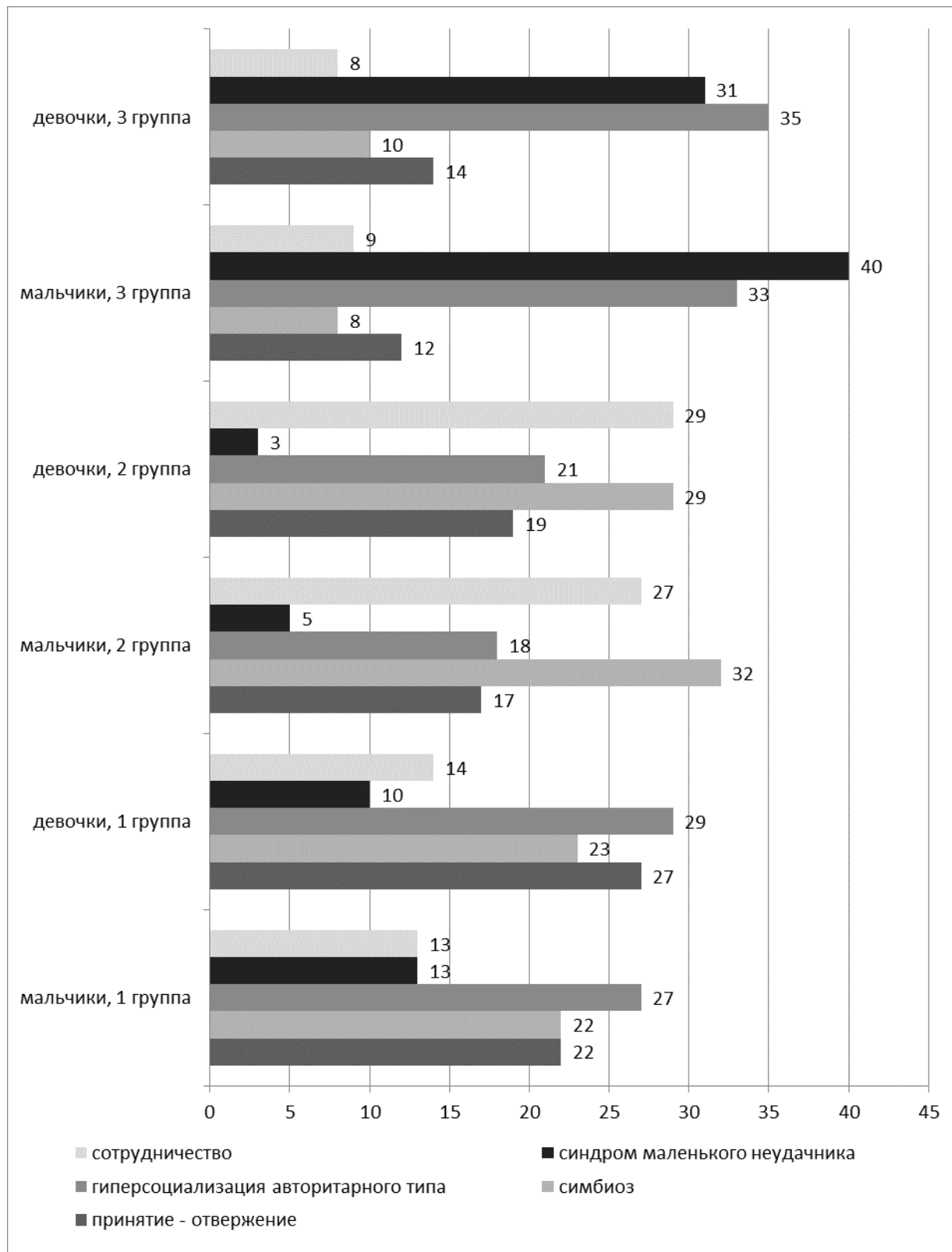
Опрос родителей выявил значимые различия в подходе к воспитанию, а также во взаимоотношениях родителей и детей в разных группах (рис. 1). Так, в первой группе, с наивысшими в данном исследовании социальным статусом и уровнем образования, доминировала гиперсоциализация авторитарного типа, причем различия между мальчиками и девочками недостоверны. Из этого следует, что в обследованных семьях с высоким уровнем материального благосостояния и образования основную роль в воспитании детей играет авторитет одного или обоих родителей, на котором строятся их взаимоотношения с детьми. Остальные параметры в 0.5 (принятие – отвержение и симбиоз) – 2.0 раза (синдром неудачника и сотрудничество) менее значимы ($p \leq 0.05$). Во второй группе, состоящей из детей и родителей из среднего класса, воспитание несколько более сбалансированно, поскольку основная роль отводится симбиозу и сотрудничеству, которые также превышают остальные параметры в 1.3 – 1.9 раз ($p \leq 0.05$). Таким образом, среди родителей среднего класса большее внимание уделяется собственно взаимодействию с ребенком, нежели осуществляется давление на него авторитетом родителей, как это было в группе 1. Различий между мальчиками и девочками также нет, за исключением синдрома неудачника – в этом случае на мальчиков осуществляется в 1.5 раза чаще негативное воздействие со стороны родителей ($p \leq 0.05$). Наконец, в третьей группе, представленной родителями без высшего образования и без материального благополучия, в наибольшей степени осуществляется давление на детей со стороны родителей. Преобладающим в воспитании параметром является синдром неудачника, а также авторитет одного из родителей («Потому что я так сказал (а)»). Эти параметры превышают остальные внутри третьей группы в наибольшей степени среди всех групп – в 3 – 4 раза ($p \leq 0.01$). «Лидерство» по гиперсоциализации имеет несомненное сходство с родителями из группы 1 в группе 3, однако в данном контексте авторитет родителей сводится к приказам, но не к обоснованию правоты мнения родителя, как это наблюдалось в группе 1. Еще одним отличием группы 3 от группы 1 является сильно выраженное негативное воздействие на психику детей – «ты неудачник». Это может быть связано с тем, что свои неудачи в достижении тех или иных жизненных целей родители детей из малообеспеченных семей зачастую сваливают на своих собственных детей.

Следует отметить, что на мальчиков давление в семьях из третьей группы осуществляется сильнее по сравнению с девочками – синдром неудачника отмечен в 0.5 раз чаще ($p \leq 0.05$).

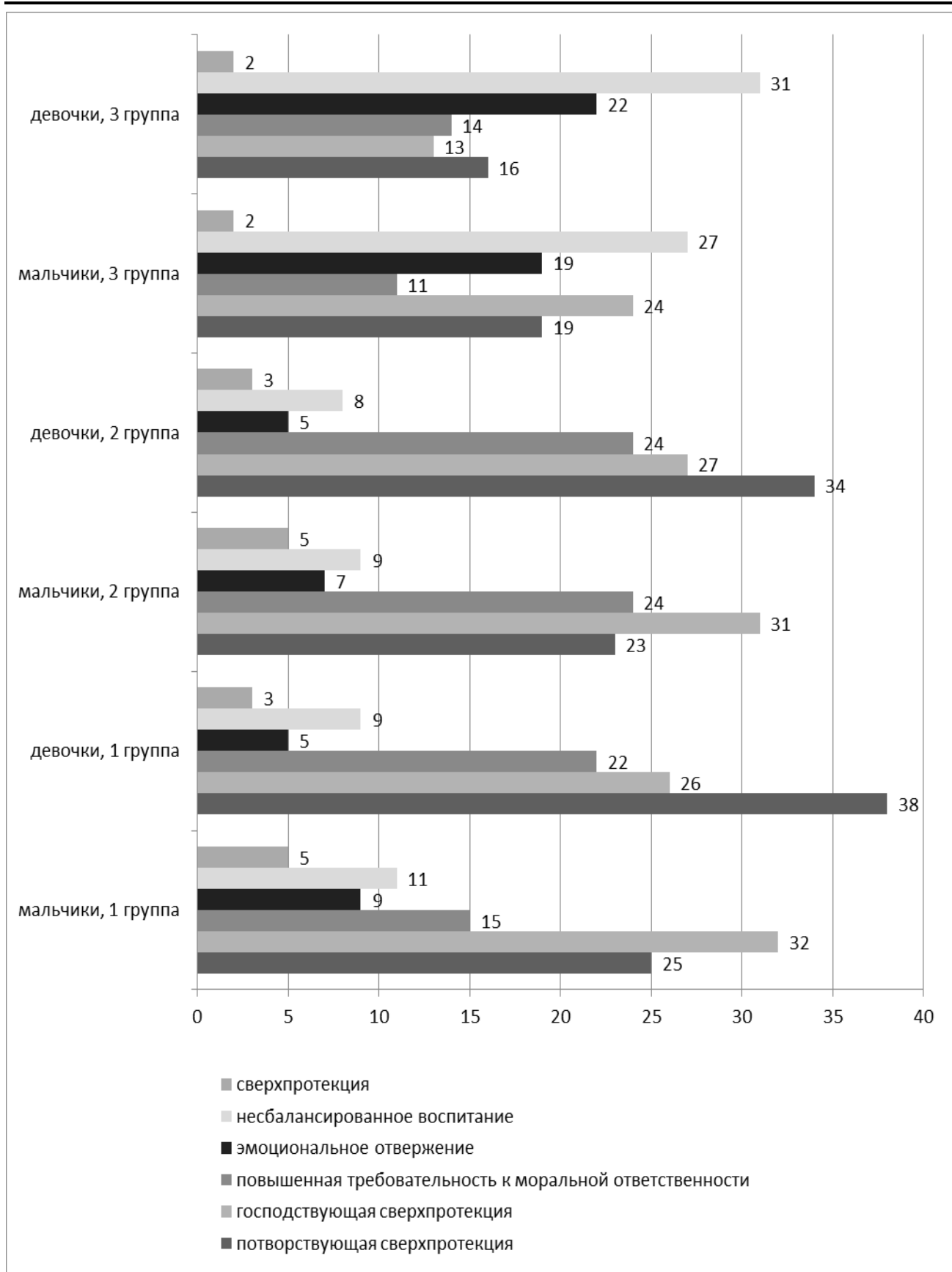
Схожие с воспитанием тенденции отмечаются при анализе отношений детей и их родителей в трех исследуемых группах (рис. 2).

Так, в первой группе доминирующей тенденцией является господствующая сверхпротекция, особенно среди мальчиков (в 0.5 раза чаще по сравнению с девочками из этой группы, $p \leq 0.05$). Среди девочек из этой группы преобладает потворствующая сверхпротекция (в 1.2 раза чаще по сравнению с мальчиками, $p \leq 0.05$). Таким образом, родители детей из первой группы чаще воздействуют авторитетом на мальчиков, но в то же время чаще потворствуют своим дочерям в исполнении их желаний и потребностей. Остальные параметры в 2 – 3 раза реже отмечены среди детей из этой группы ($p \leq 0.001$). Среди второй группы тенденция аналогичная, но существенную роль играет также повышенная требовательность родителей к моральной ответственности своих детей. Между мальчиками и девочками достоверными

остаются различия на уровне потворствующей сверхпротекции (в 1.3 раза в пользу девочек, $p \leq 0.05$) и господствующей сверхпротекции (в 0.5 раза в пользу мальчиков, $p \leq 0.05$).

Рисунок 1 – Результаты опроса по типу семейных отношений (тест Варга-Столина)

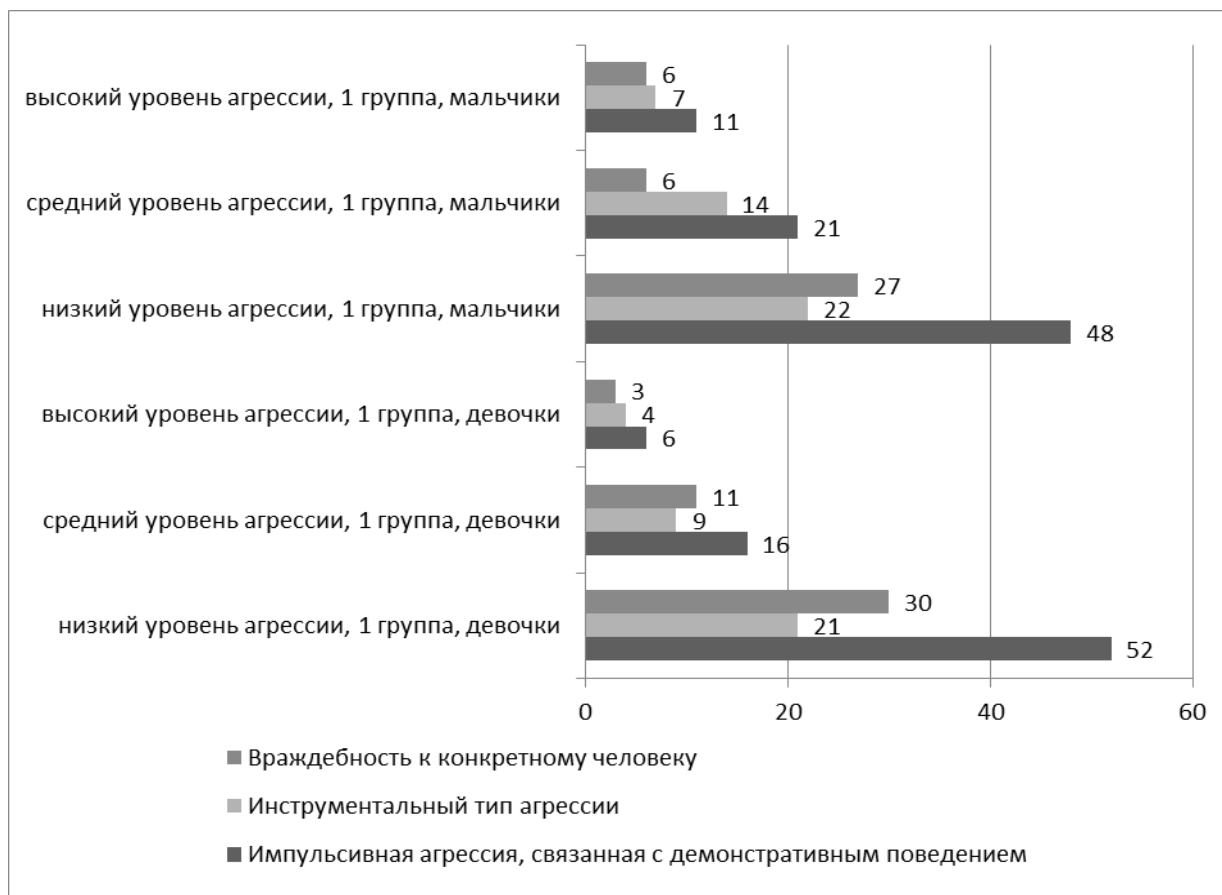
Рисунок 2 – Результаты теста Эйдмиллера для родителей трех изучаемых групп детей

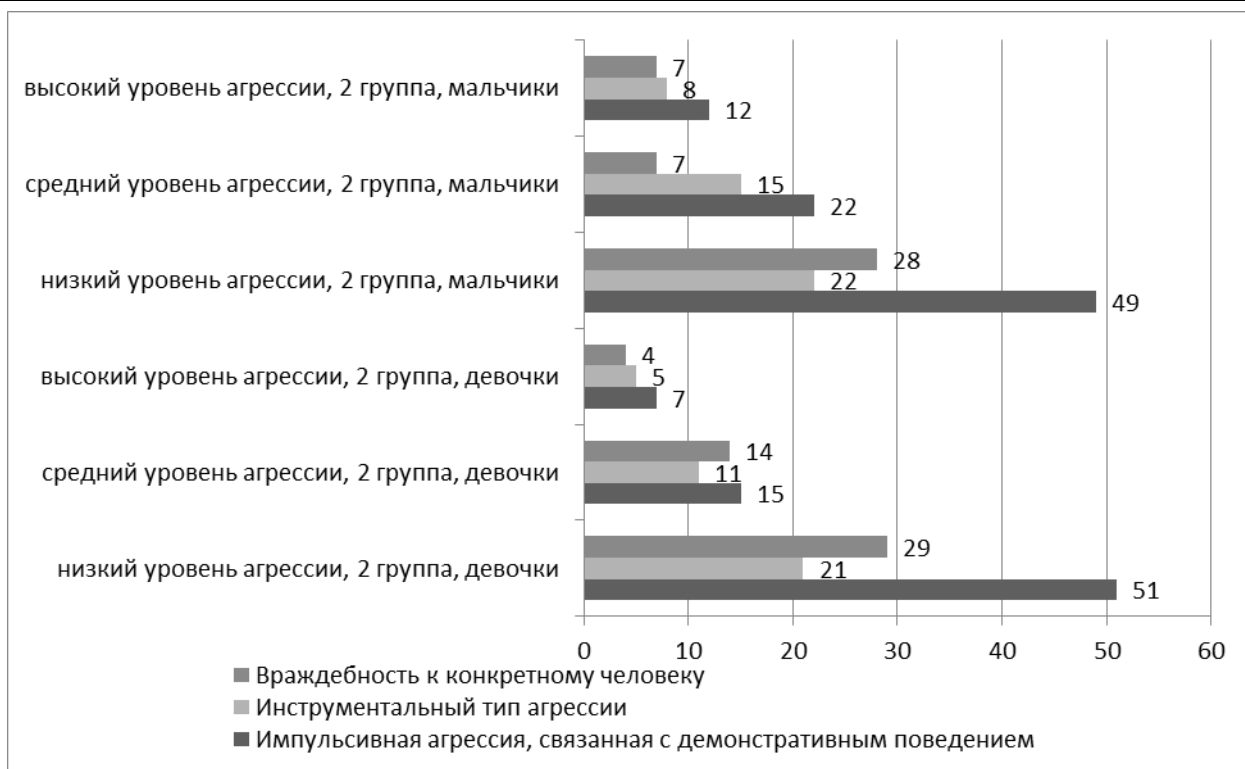
Среди детей, в зависимости от стиля воспитания в семье, обнаружены варьирующие уровни агрессии (рис. 3). Так, среди детей из первой группы преобладает низкий уровень агрессии (рис. 3А), который превышает остальные два уровня в 0.5 – 2.0 раза (по сравнению со средним уровнем агрессии, $p \leq 0.05$) и в 5 – 8 раз соответственно ($p \leq 0.001$). Таким образом, детям из первой группы свойственна низкая агрессивность. При этом среди разных форм агрессивности преобладающей является враждебность к конкретно взятому человеку. Этот параметр примерно одинаков у мальчиков и девочек. Можно предположить, что дети избирают в качестве выхода своей агрессии одного человека. Среди детей из первой группы преобладает импульсивная форма агрессии, которая выражается в демонстративном поведении. Эта форма агрессии превышает остальные две в 2 – 2.2 раза ($p \leq 0.05$) в первой группе. Для второй группы обнаружены схожие с детьми из первой группы поведенческие реакции – преобладание импульсивной агрессии, а также наличие враждебности к конкретно взятому человеку (рис. 3В).

Разительные отличия демонстрирует поведение детей из третьей группы. Прежде всего, стоит отметить, что средний и высокий уровни агрессии здесь значимо выше по сравнению с детьми из первой и второй групп – в 1.6 – 2.2 раза ($p \leq 0.05$, рис. 3С). Враждебность к конкретному человеку становится одной из основных форм поведения, особенно среди мальчиков – этот параметр или равен по встречаемости импульсивной агрессии, или незначительно уступает им.

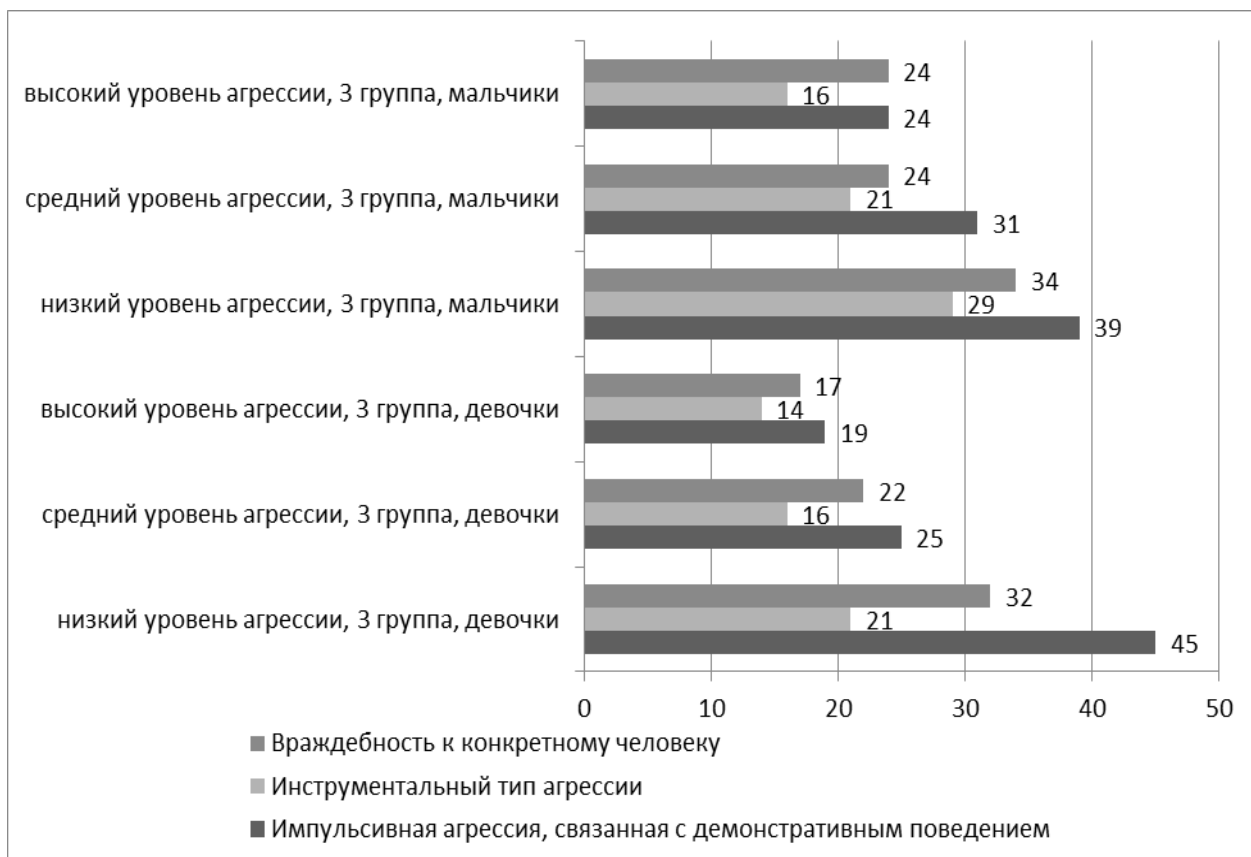
Можно утверждать, что среди детей из третьей группы достоверные изменения связаны с ответом на воспитание со стороны родителей.

Рисунок 3 – Уровни агрессии среди детей из трех обследованных групп. Группа 1

Рисунок 4 – Уровни агрессии среди детей из трех обследованных групп. Группа 2

Рисунок 5 – Уровни агрессии среди детей из трех обследованных групп. Группа 3

Помимо этого, нами обнаружены достоверные корреляции между учтенными параметрами. Так, уровень социального положения напрямую связан с уровнем образования (корреляция 0.81), высокий уровень агрессии связан с принадлежностью к третьей группе (корреляция 0.68), характеризующейся низким уровнем образования и благосостояния родителей. Состав семьи имеет существенное влияние на модель воспитания – связь между девочками и потворствующей гиперпротекцией составила 0.69, между мальчиками и господствующей гиперпротекцией – 0.57.

Для третьей группы нами обнаружена прямая связь между демонстративным поведением (инструментальная агрессия) и отрицательным отношением детей к одному из членов семьи (0.71, $p \leq 0.05$). Для детей из всех групп не отмечено достоверной враждебности по отношению к педагогу, но присутствовала агрессия к отдельно взятому человеку (корреляции для первой, второй и третьей групп – 0.58, 0.61 и 0.77 соответственно). Негативное отношение с родителями коррелировало с отцом (0.64, 0.78 в первой и третьей группах), с матерью достоверных связей не отмечено. В третьей и первой группах отмечена прямая связь между инструментальной агрессией по отношению к братьям и сестрам (0.65 и 0.84 соответственно). Синдром неудачника также сыграл свою негативную роль – обнаружена прямая связь между принадлежностью к третьей группе и частотой встречаемости этого синдрома (0.92). Кроме того, импульсивная форма агрессии связана с высоким уровнем тревожности: 0.54 – в первой группе, 0.53 – во второй и 0.87 – в третьей. Синдром неудачника сформировал среди детей из третьей группы и частично из двух других групп негативное отношение к себе и своим способностям. Корреляции между частотой встречаемости синдрома неудачника в трех группах и негативной самооценкой младших школьников высокие и составили 0.53, 0.55 и 0.93 для первой, второй и третьей группы соответственно.

Таким образом, дети из трех групп продемонстрировали разные уровни агрессии, что напрямую связано с качеством воспитания. Детская агрессия является ответом на некачественное воспитание со стороны родителей. По всей видимости, наиболее часто это явление можно встретить среди детей из малообеспеченных семей, где родители имеют низкий уровень образования.

Обсуждение результатов исследования

Как было показано в нашем и других исследованиях, инструментальная форма агрессии достаточно часто встречается среди детей младшего школьного возраста. Эта форма агрессии не является какой-либо ответной реакцией защиты или способом привлечения внимания родителей, но является нормой поведения [DelGiudice, 2018]. Получивший в последние годы распространение буллинг не настолько характерен для младших школьников, сколько для детей подросткового возраста. С другой стороны, негативная самооценка часто связана с угнетающим детскую психику воздействием со стороны родителей. Такие дети стремятся выплеснуть накопившуюся внутри агрессию, причем не в инструментальной форме, а в форме непосредственной агрессии. В коллективе младших школьников такие дети, как правило, становятся некоммуникабельными, поскольку игнорируются своими сверстниками. Это может приводить к еще большему эмоционально-психологическому отчуждению и последующей маргинализации при взрослении [Fergusson, Boden, Horwood, 2013]. Следует также отметить, что зачастую малообеспеченные семьи сформированы маргинальными родительскими парами, когда по крайней мере один из членов семьи имеет вредные привычки (алкоголь, употребление

наркотиков). Поэтому такие дети попросту отданы самим себе и просто не привлекают внимания родителей. Их воспитанием занимается улица. Известны случаи, когда дети, преимущественно подросткового возраста, формировали уличные банды, которые занимались грабежом и насилием. Это явление распространено не только в странах бывшего СССР, но даже и в развитых странах Запада. Основы такого поведения закладываются воспитанием родителей, вниманием с их стороны к ребенку и его проблемам, какими бы надуманными и мелкими они ни казались родителям [Flouri, Mavroveli, Tzavidis, 2010]. В наблюдаемом нами взаимодействии между детьми младшего школьного возраста больше всего случаев прямой агрессии было отмечено в третьей группе, что только подтверждает предположение о возможной связи с уровнем благосостояния, образования родителей и качеством воспитания детей. Чаще всего, объектом насилия такие дети выбирали заранее более слабого противника. Известно также, что к детям, которые достаточно часто и регулярно проявляют себя в качестве агрессивных, со стороны их одноклассников и со стороны педагогов отношение достаточно предвзятое [Krishnakumar, Narine, Roopnarine, Logie, 2014]. Это связано с тем, что от таких детей и сверстники, и учителя ожидают каких-либо асоциальных действий, даже если на данный момент ребенок их не совершает. Регулярность замечаний со стороны учителей и негативное отношение со стороны родителей к возможным неудачам ребенка в учебе способствуют формированию пониженной самооценки. В дальнейшем эта самооценка может иметь реализацию путем насильственных действий по отношению к своим сверстникам.

Все формы детской агрессии имеют свои характеристики. Так, для детей с преобладанием инструментально-демонстративной формы агрессии характерной является неприязнь по отношению к своим братьям и сестрам (выявлено нами в первой и третьей группах). Кроме того, отмечена агрессия по отношению к одному из родителей (отцу), что было показано нами на примере третьей группы. По имеющимся сведениям, такие дети характеризуются потребностью во внимании со стороны родителей, а также в их признании. Но в связи с тем, что очевидных успехов в учебе эти дети, как правило, не демонстрируют, единственной альтернативой для них остается привлечение внимания к себе за счет инструментальной агрессии. В случае целенаправленной агрессии по отношению к конкретно взятому человеку нами выявлены связи с низкой самооценкой, плохим отношением к отцу, а также с негативным отношением к месту, где данный школьник получает низкие оценки, т.е. к школе [Kwon, Wickrama, 2014]. Это также было выявлено среди детей из третьей группы.

Детям из подобных семей необходимо оказывать психологическую помощь, направленную на коррекцию их самооценки и на формирование познавательных навыков. Кроме того, известным фактом является отрицательная взаимосвязь между временем посещения социальных сетей, а также игрой в видеоигры и качеством учебы школьника [Roper et al., 2016]. И все же данные особенности присущи скорее детям более старших возрастов, что оставляет простор для дальнейших исследований.

Заключение

Нами установлено, что уровень социального положения, а также образования родителей напрямую связан с качеством воспитания детей. Если для первой группы характерна авторитарность со стороны по крайней мере одного из родителей в воспитании детей, то для второй группы, представленной семьями из среднего класса, характерна сбалансированность в воспитании детей. В то же время достоверных различий между уровнем агрессивности среди

детей из первой и второй групп не установлено. В третьей и первой группах существует прямая связь между частотой встречаемости инструментальной агрессии и негативным отношением к братьям и сестрам (0.65 и 0.84 соответственно). Синдром неудачника в третьей группе также значим – существует прямая связь с частотой встречаемости этого синдрома в третьей группе (0.92). Кроме того, импульсивная форма агрессии определяет высокий уровень тревожности: их частота встречаемости взаимосвязана и составляет 0.54 в первой группе, 0.53 – во второй и 0.87 – в третьей. Синдром неудачника являлся основной причиной среди детей из третьей группы и частично из двух других групп формирования негативного отношения к себе и своим способностям, т.е. заниженной самооценки. Корреляции между частотой встречаемости синдрома неудачника в трех группах и негативной самооценкой младших школьников максимальные в третьей группе (0.93), в первой и второй значительно ниже (0.53, 0.55 соответственно). Таким образом, воспитание родителей определяет многие стороны психоэмоционального состояния школьников младших классов.

Библиография

1. Baker C.E., Kainz K.L., Reynolds E.R. Family poverty, family processes and children's preschool achievement: understanding the unique role of fathers // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. No. 27. P. 1242-1251.
2. Choi J.-K., Palmer R.J., Pyun H.-S. Three measures of non-resident fathers' involvement, maternal parenting and child development in low-income single-mother families // *Child and Family Social Work*. 2014. No. 19. P. 282-291.
3. Choi J.-K., Pyun H.-S. Nonresident Fathers' Financial Support, Informal Instrumental Support, Mothers' Parenting, and Child Development in Single-Mother Families With Low Income // *Journal of Family Issues*. 2014. No. 35(4). P. 526-546.
4. DelGiudice M. Middle Childhood: An Evolutionary-Developmental Synthesis // Halfon, N., Forrest, C., Lerner, R., Faustman, E. (eds.) *Handbook of Life Course Health Development*. Cham: Springer, 2018.
5. Duncan G.J., Ziol-Guest K.M., Kalil A. Early-childhood poverty and adult attainment, behavior, and health // *Child Development*. 2010. No. 81(1). P. 306-325.
6. Fergusson D.M., Boden J.M., Horwood L.J. Childhood self-control and adult outcomes: results from a 30-year longitudinal study // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2013. No. 52(7). P. 709-717.
7. Flouri E., Mavroveli S., Tzavidis N. Modeling risks: Effects of area deprivation, family socio-economic disadvantage and adverse life events on young children's psychopathology // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2010. No. 45(6). P. 611-619.
8. Hardaway C.R., Cornelius M.D. Economic hardship and adolescent problem drinking: processes as mediating influences // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. No. 43. P. 1191-1202.
9. Hempel K., Wuermli A., Lundberg M. Middle childhood. Protecting and promoting human development in times of economic shocks. *Social Protection & Labor Policy Note*. Labor Markets and Youth. Washington DC: The World Bank, 2012.
10. Huang J., Kim Y., Sherraden M. Material hardship and children's socialemotional development: Testing mitigating effects of Child Development Accounts in a randomized experiment // *Child: Care, Health and Development*. 2016. No. 43(1). P. 89-96.
11. Jackson D.B., Vaughn M.G. Household food insecurity during childhood and adolescent misconduct // *Preventive Medicine*. 2017. No. 96. P. 113-117.
12. Kainz K., Willoughby M.T., Vernon-Feagans L., Burchinal M.R. Modeling Family Economic Conditions and Young Children's Development in Rural United States: Implications for Poverty Research // *Journal of Family and Economic Issues*. 2012. No. 33(4). P. 410-420.
13. Kaminski J.W. et al. Behavioral and socioemotional outcomes through age 5 years of the Legacy for Children public health approach to improving developmental outcomes among children born into poverty // *American Journal of Public Health, Research and Practice*. 2013.
14. Kia-Keating M. et al. Longitudinal patterns of self-regulation among ethnic minority children facing poverty // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. No. 27. P. 398-411.
15. Kim D.H., Um M.-Y. The relationships among family income, parental depression, and adolescent aggression in South Korea: a latent growth mediation model // *Children and Youth Services Review*. 2018. No. 84. P. 168-175.
16. Krishnakumar A., Narine L., Roopnarine J.L., Logie C. Multilevel and crosslevel effects of neighborhood and family influences on children's behavioral outcomes in Trinidad and Tobago: The intervening role of parental control // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2014. No. 42(6). P. 1057-1068.

17. Kwon J.A., Wickrama K.A.S. Linking family economic pressure and supportive parenting to adolescent health behaviors: two developmental pathways leading to health promoting and health risk behaviors // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. No. 43. P. 1176-1190.
18. Mah V.K., Ford-Jones E.L. Spotlight on middle childhood: rejuvenating the 'forgotten years' // *Paediatr Child Health*. 2012. No. 17(2). P. 82-83.
19. Malczyk B.R., Lawson H.A. Parental monitoring, the parent-child relationship and children's academic engagement in mother-headed single-parent families // *Children and Youth Services Review*. 2017. No. 73. P. 274-282.
20. Mcconnell D., Breitreuz R., Savage A. From financial hardship to child difficulties: Main and moderating effects of perceived social support // *Child: Care, Health and Development*. 2010. No. 37(5). P. 679-691.
21. Rapp C.A., Sullivan W.P. The Strengths Model: Birth to Toddlerhood // *Advances in Social Work*. 2014. No. 15(1). P. 129-142.
22. Reising M.M. et al. Parental Depression and Economic Disadvantage: The Role of Parenting in Associations with Internalizing and Externalizing Symptoms in Children and Adolescents // *Journal of Child and Family Studies*. 2013. No. 22(3). P. 335-343.
23. Roper S.O. et al. Economic pressure, individual and family processes, and children's reticence in Romanian families // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. No. 25. P. 2458-2468.
24. Sheidow A.J., Henry D.B., Tolan P.H., Strachan M.K. The role of stress exposure and family functioning in internalizing outcomes of urban families // *Journal of Child and Family Studies*. 2014. No. 23. P. 1351-1365.
25. Shelleby E.C. et al. Income and children's behavioral functioning: A sequential mediation analysis // *Journal of Family Psychology*. 2014. No. 28(6). P. 936-946.
26. Spengler M. et al. Student characteristics and behaviors at age 12 predict occupational success 40 years later over and above childhood IQ and parental socioeconomic status // *Developmental Psychology*. 2015. No. 51(9). P. 1329-1340.
27. White R.M.B., Liu Y., Nair R.L., Tein J.-Y. Longitudinal and integrative tests of family stress model effects on Mexican origin adolescents // *Developmental Psychology*. 2015. No. 51(5). P. 649-662.

Psychological behavior of children in a changing society

Sergei N. Khrameshin

Rector,
Slavic Greek Latin Academy,
109052, 20 Radio st, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Anastasiya V. Nikitenko

Vice-Rector for Educational Activity,
Slavic Greek Latin Academy,
109052, 20 Radio st, Moscow, Russian Federation;
e-mail: nika@sgla.ru

Abstract

The normal psycho-emotional state of children is the key to the stable development of any society. The purpose of the article is to assess the dynamics of indicators of the emotional and psychological behavior of children of 7-8 years old in the conditions of modern society. The study was conducted in 2019 – 2020 on the territory of Moscow on the basis of three secondary schools among 600 students of the second – third grades (average age – 7.3 ± 0.5 years, three groups of 200 people). The first group consisted of children from families with a high social status and higher education of both parents, the second – children from middle-class families with secondary specialized education of their parents, the third included children from lower income families with

incomplete secondary education of parents. Children were tested for aggressiveness, as well as attitudes towards family members. In parallel, tests were carried out among the parents of children in order to identify the characteristics of upbringing and relationships within families. It was found that in the model of upbringing in the first group, hypersocialization of the authoritarian type dominated. The other two parameters had 0.5 times (acceptance – rejection and symbiosis) – 2.0 times lower indicators (loser syndrome and cooperation) ($p \leq 0.05$). In the second group, the model of upbringing is more balanced, here symbiosis and cooperation dominate, exceeding the other parameters by 1.3 – 1.9 times ($p \leq 0.05$). In the same group, boys are exposed to 1.5 times more frequent negative influence from their parents than girls (loser syndrome, $p \leq 0.05$). Among children from the first and second groups, the impulsive form of aggression prevails, which exceeds the other two by 2-2.2 times ($p \leq 0.05$). In the third group, the average and high levels of aggression are significantly higher – 1.6-2.2 times ($p \leq 0.05$). Negative self-esteem can be associated with a depressing child's psyche on the part of parents. In the third and first groups, a direct relationship was noted between the frequency of occurrence of instrumental aggression and negative attitudes towards brothers and sisters (0.65 and 0.84, respectively). There is a direct relationship with the incidence of the loser syndrome and belonging to the third group (0.92).

For citation

Khrameshin S.N., Nikitenko A.V. (2018) Psikhologicheskoe povedenie detei v uslo-viyakh izmeneniya obshchestva [Psychological behavior of children in a changing society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5B), pp. 223-238.

Keywords

Model of upbringing, children of primary school age, hypersocialization of the authoritarian type, loser syndrome, aggressiveness, social status.

References

1. Baker C.E., Kainz K.L., Reynolds E.R. (2018) Family poverty, family processes and children's preschool achievement: understanding the unique role of fathers. *Journal of Child and Family Studies*, 27, pp. 1242-1251.
2. Choi J.-K., Palmer R.J., Pyun H.-S. (2014) Three measures of non-resident fathers' involvement, maternal parenting and child development in low-income single-mother families. *Child and Family Social Work*, 19, pp. 282-291.
3. Choi J.-K., Pyun H.-S. (2014) Nonresident Fathers' Financial Support, Informal Instrumental Support, Mothers' Parenting, and Child Development in Single-Mother Families With Low Income. *Journal of Family Issues*, 35(4), pp. 526-546.
4. DelGiudice M. (2018) Middle Childhood: An Evolutionary-Developmental Synthesis. In: Halfon, N., Forrest, C., Lerner, R., Faustman, E. (eds.) *Handbook of Life Course Health Development*. Cham: Springer.
5. Duncan G.J., Ziol-Guest K.M., Kalil A. (2010) Early-childhood poverty and adult attainment, behavior, and health. *Child Development*, 81(1), pp. 306-325.
6. Fergusson D.M., Boden J.M., Horwood L.J. (2013) Childhood self-control and adult outcomes: results from a 30-year longitudinal study. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 52(7), pp. 709-717.
7. Flouri E., Mavroveli S., Tzavidis N. (2010) Modeling risks: Effects of area deprivation, family socio-economic disadvantage and adverse life events on young children's psychopathology. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 45(6), pp. 611-619.
8. Hardaway C.R., Cornelius M.D. (2014) Economic hardship and adolescent problem drinking: processes as mediating influences. *Journal of Youth and Adolescence*, 43, pp. 1191-1202.
9. Hempel K., Wuerml A., Lundberg M. (2012) *Middle childhood. Protecting and promoting human development in times of economic shocks. Social Protection & Labor Policy Note. Labor Markets and Youth*. Washington DC: The World Bank.
10. Huang J., Kim Y., Sherraden M. (2016) Material hardship and children's socialemotional development: Testing

- mitigating effects of Child Development Accounts in a randomized experiment. *Child: Care, Health and Development*, 43(1), pp. 89-96.
11. Jackson D.B., Vaughn M.G. (2017) Household food insecurity during childhood and adolescent misconduct. *Preventive Medicine*, 96, pp. 113-117.
  12. Kainz K., Willoughby M.T., Vernon-Feagans L., Burchinal M.R. (2012) Modeling Family Economic Conditions and Young Children's Development in Rural United States: Implications for Poverty Research. *Journal of Family and Economic Issues*, 33(4), pp. 410-420.
  13. Kaminski J.W. et al. (2013) Behavioral and socioemotional outcomes through age 5 years of the Legacy for Children public health approach to improving developmental outcomes among children born into poverty. *American Journal of Public Health, Research and Practice*.
  14. Kia-Keating M. et al. (2018) Longitudinal patterns of self-regulation among ethnic minority children facing poverty. *Journal of Child and Family Studies*, 27, pp. 398-411.
  15. Kim D.H., Um M.-Y. (2018) The relationships among family income, parental depression, and adolescent aggression in South Korea: a latent growth mediation model. *Children and Youth Services Review*, 84, pp. 168-175.
  16. Krishnakumar A., Narine L., Roopnarine J.L., Logie C. (2014) Multilevel and crosslevel effects of neighborhood and family influences on children's behavioral outcomes in Trinidad and Tobago: The intervening role of parental control. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 42(6), pp. 1057-1068.
  17. Kwon J.A., Wickrama K.A.S. (2014) Linking family economic pressure and supportive parenting to adolescent health behaviors: two developmental pathways leading to health promoting and health risk behaviors. *Journal of Youth and Adolescence*, 43, pp. 1176-1190.
  18. Mah V.K., Ford-Jones E.L. (2012) Spotlight on middle childhood: rejuvenating the 'forgotten years'. *Paediatr Child Health*, 17(2), pp. 82-83.
  19. Malczyk B.R., Lawson H.A. (2017) Parental monitoring, the parent-child relationship and children's academic engagement in mother-headed single-parent families. *Children and Youth Services Review*, 73, pp. 274-282.
  20. Mcconnell D., Breitkreuz R., Savage A. (2010) From financial hardship to child difficulties: Main and moderating effects of perceived social support. *Child: Care, Health and Development*, 37(5), pp. 679-691.
  21. Rapp C.A., Sullivan W.P. (2014) The Strengths Model: Birth to Toddlerhood. *Advances in Social Work*, 15(1), pp. 129-142.
  22. Reising M.M. et al. (2013) Parental Depression and Economic Disadvantage: The Role of Parenting in Associations with Internalizing and Externalizing Symptoms in Children and Adolescents. *Journal of Child and Family Studies*, 22(3), pp. 335-343.
  23. Roper S.O. et al. (2016) Economic pressure, individual and family processes, and children's reticence in Romanian families. *Journal of Child and Family Studies*, 25, pp. 2458-2468.
  24. Sheidow A.J., Henry D.B., Tolan P.H., Strachan M.K. (2014) The role of stress exposure and family functioning in internalizing outcomes of urban families. *Journal of Child and Family Studies*, 23, pp. 1351-1365.
  25. Shelleby E.C. et al. (2014) Income and children's behavioral functioning: A sequential mediation analysis. *Journal of Family Psychology*, 28(6), pp. 936-946.
  26. Spengler M. et al. (2015) Student characteristics and behaviors at age 12 predict occupational success 40 years later over and above childhood IQ and parental socioeconomic status. *Developmental Psychology*, 51(9), pp. 1329-1340.
  27. White R.M.B., Liu Y., Nair R.L., Tein J.-Y. (2015) Longitudinal and integrative tests of family stress model effects on Mexical origin adolescents. *Developmental Psychology*, 51(5), pp. 649-662.